

Николай Добролюбов

Органическое развитие человека

Николай Александрович Добролюбов

Органическое развитие человека

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120315*

Аннотация

«...Ежели здоровье состоит в том, чтобы беспрепятственно совершались в человеке отправления растительной жизни и чтобы не было в теле постоянного ощущения какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что все толстые идиоты совершенно здоровы. Но, в таком случае, ведь и поражённого параличом надобно считать здоровым человеком, и одержимого белой горячкой – тоже здоровым. А между тем и то, и другое мы считаем болезнями и даже весьма значительными...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Николай Александрович Добролюбов

Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью

Органическое воспитание в применении к самообразованию и к развитию здоровья питомцев, сочинение К. Ф. Шнелля. Перев. с немецкого Ф. Бёмера. Спб. 1857 г. – Книга о здоровом и больном человеке, сочинение доктора К. Э. Бока. Перев. с немецкого И. Паульсона и Ф. Бёмера. Спб. 1857 г., две части.¹

Оба, названные нами, сочинения вышли в русском переводе уже довольно давно, но, кажется, не обратили на себя особенного внимания русской публики. А, между тем, это книги весьма замечательные, и в особенности для нас, сбитых с толку выпренными теориями учёных педагогов, говорящих о духовном развитии человека такие вещи, что просто волос дыбом становится. Так, Шнелль, не прибегая ни к каким хитрым толкованиям, говорит просто-напросто, что

«верховною целью воспитания должно быть здоровье» (стр. 1). Этим определением он начинает свою книгу, им же её оканчивает, оно же строго проведено по всем отделам его сочинения. Доктор Бок также утверждает, что важнее всего при воспитании заботиться о здоровья и постоянном упражнении всех чувств, приспособляя их к различным впечатлениям (стр. 469).

Нет сомнения, что определение Шнелля, по своей крайней простоте, с первого же раза покажется понятным для каждого из читателей. Но, вместе с тем, несомненно и то, что многие поторопятся растолковать его в смысле очень ограниченном и, вследствие того, восстанут с благонамеренными насмешками против Бока и Шнелля, и тут же против нас, признающих начала их совершенно разумными. «Ваша идея, – язвительно скажут нам, – вовсе не нова; вы имеете честь разделять её с госпожой Простаковой, с господином Скотининым, с родителями пана Халявского, изображённого Основьяненком, и вообще со всеми маменьками и папеньками, которые слово *воспитание* считают однозначным с словом *откармливанье*. К сожалению, ваша теория *воспитания для здоровья* находит ещё многих представителей в отживающем поколении провинциальных, степных бабушек, тётушек, нянюшек, которые встречают своего воспитанничка, приехавшего из университета, словами: «батюшка ты наш! как тебя там измучили! Поехал – так любо посмотреть было; а теперь – спичка спичкой стал. Вот она, наука-то

ваша проклятая!» Вашей идее обрадуются все балбесы, которые до 15 лет ничему не учатся, но зато – как яблочко румяны, потому что с утра до ночи собак гоняют», и пр., и пр.

На все эти возражения мы можем ответить просвещённым нашим противникам, что не всякая болезнь иссушает человека, и не всякая толстота означает здоровье. Мы просим вспомнить поэтическую жалобу толстого труженика, который утверждает: люди, дескать,

По моей громадной толщине
Заключают ложно обо мне, —

не зная,

... Что тот,
Кто счастливец по виду слывет,
Далеко не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен.

Да, ошибка госпожи Простаковой с братией состояла не в том, что они заботились о здоровья детей, а в том, что не понимали, что такое здоровье. Матушка откармливает своего Митрофанушку, а он, съевши на сон грядущий солонины ломтика три, да пирожков подовых пять или шесть, – ляжет да и тоскует целую ночь, а по утру как шальной ходит... Разве это здоровье? Ежели здоровье состоит в том, чтобы беспрепятственно совершались в человеке отправле-

ния растительной жизни и чтобы не было в теле постоянно-го ощущения какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что все толстые идиоты совершенно здоровы. Но, в таком случае, ведь и поражённого параличом надобно считать здоровым человеком, и одержимого белой горячкой – тоже здоровым. А между тем и то, и другое мы считаем болезнями и даже весьма значительными. Мало этого, мы ведь признаём больным, или, по крайней мере, не совершенно здоровым, человека, подверженного беспрестанным истерикам, спазмам, мигреням, всякого рода нервным расстройствам и т. п. Уродства разного рода – глухота, слепота, и т. д. – тоже должно относить к явлениям болезненным. Точно также к болезням следует относить и особые, ненормальные положения, в которые впадают иные люди, как, например, спячку или апатию ко всему на свете, совершенное беспамятство, всякие мономании, общее расслабление организма и невозможность сделать над собой хотя малейшее усилие, и т. п. Словом – под здоровьем нельзя разуметь одно только наружное благосостояние тела, а нужно понимать вообще естественное гармоническое развитие всего организма и правильное совершение всех его отправлений.

Против этого опять может быть возражение, и на этот раз уже довольно основательное. Могут указать на низший класс народа, который физически бывает обыкновенно здоровее высших классов; могут указать на дикарей, пользующихся отличным здоровьем и громадной физической силой;

а с другой стороны – могут представить многих великих учёных, поэтов, государственных людей, истощённых, больных и слабых... Из этого сопоставления можно вывести заключение такого рода, на первый взгляд не лишённое своей основательности: если всё развитие человека направлять только к тому, чтобы он был здоровым, то придётся взять за идеал ирокезов, которые, как говорят, не знают никаких болезней, – и отвергнуть всё значение великих людей, прославившихся умственной и нравственной деятельностью.

Возражение это, по внимательном его рассмотрении, должно быть признано совершенно ничтожным по многим причинам. Прежде всего мы должны повторить, что под здоровьем организма мы вовсе не разумеем одно физическое благосостояние тела. Нам кажутся смешны и жалки невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Нелепость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек самый отсталый и невежественный может ещё не презирать подобных материалистических умствований. Мы совсем не хотим сказать, что телесная деятельность важнее духовной, совсем не хотим выставить довлеющее физическое целью нашей жизни. Напротив – мы намерены говорить о том, что часто тело наше, как служебное

орудие духовной деятельности, бывает испорчено разными слабостями и болезнями и не имеет возможности исполнять своего назначения. Мы восстаем против того, что часто мы заботимся только на словах о совершенствовании духовном, а между тем на деле вовсе не стараемся покорить тело духу и, предаваясь чувственности, расстраиваем и тело своё, и у духовных способностей отнимаем возможность проявляться правильно; потому что расстроенные телесные органы делаются негодны для служения возвышенной духовной деятельности. Это говорит нам постоянный опыт, говорит наше внутреннее сознание, наша вера; и это же самое подтверждается результатами новейших исследований в области естествознания. Эту именно необходимость – воспитывать тело для служения правильной духовной деятельности, эту истину, сделавшуюся даже избитою от частого повторения, истину, что *mens sana*, здоровый дух, – должен быть *in corpore sano*, т. е. должен соединяться с здоровым телом, – это и намерены мы подтвердить, указавши на несомненные факты естествознания. В таком именно смысле должны быть понимаемы все наши замечания о неразрывной связи душевной и телесной деятельности.

Но возвратимся к возражению, приведённому нами. Кроме одностороннего, узкого понимания здоровья, – оно грешит ещё тем, что берёт для сличения предметы не совершенно под одинаковыми условиями. Различие племён и затем различие занятий человека много имеет влияния на воз-

можную степень его развития во всех отношениях. Если бы можно было брать здоровье в отвлечённости, то не нужно было бы даже к людям обращаться, а пряма привести в пример животных. На что вам ещё организм крепче и здоровее, чем хоть, примерно, у слона или у льва, или даже у быка? Недаром же говорят у нас: «Здоров, как бык». Но у этих животных самое строение организма не то, что у нас, и потому мы оставляем их в покое. Есть, пожалуй, червяки, которых разрежешь пополам, так обе половинки и поползут в разные стороны, – как ни в чём не бывало; эти нам не пример. Точно так и ирокезы – не пример для европейских учёных. Кроме того – нужно заметить, что болезненное состояние вовсе не способствовало, конечно, полезным открытиям и изысканиям, произведённым этими учёными. В большей части случаев, болезнь вовсе и не относилась к тем органам, которые необходимы были для их специальности (как исключение, можно бы привести Бетховена; но и у него повреждение слуховых органов не было так сильно в то время, когда он создавал лучшие свои творения); местное же поражение в этом случае не должно быть принимаемо в расчёт.²

² В действительности Бетховен создал свои лучшие произведения в последние годы жизни, когда был совершенно глух. История музыки объясняет это тем, что композитор слышит сочиняемое им «внутренним» слухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.